

«Истина и ложь не должны иметь равные права»

[Надежда Маркина](#)

В Институте океанологии РАН состоялось обсуждение книги Л.А.Животовского «Неизвестный Лысенко»

Доклад доктора биол. наук Л.А.Животовского об изданной им книге «Неизвестный Лысенко» собрал аншлаг в Институте океанологии РАН. Собственно, не сам доклад, а последующее за ним обсуждение этой попытки реабилитации самой одиозной фигуры советской биологии. Свое мнение высказали и специалисты ненавидимой им генетики, и те, для которых драматические события, связанные с «народным академиком», прошли по судьбам их семей.

Апология Лысенко

Название книги обещает то, что автор откроет нечто новое о своем персонаже, покажет его с неожиданной стороны. Новое состоит в том, что **Л.А.Животовский** пытается обосновать научную значимость Лысенко, абстрагируясь от идеолого-политической составляющей. При этом он подчеркивает, что «в поисках научно-исторической истины следует отделять зёрна от плевел». Вот какие тезисы он выдвигает:

- Лысенко был талантливым агрономом-практиком, «чувствовал растения»;
- Лысенко был организатором, в течение 20 лет успешно руководил сельскохозяйственной наукой в СССР;
- Лысенко был всемирно известным ученым, его открытия в области стадийности развития растений, яровизации — обсуждались и цитировались за рубежом;
- Если Лысенко был невежественным, то как его могли избрать в Академию наук, на той же сессии, что и Капицу, Колмогорова, Шишова и других известных ученых?
- То, что Лысенко не принял генетику – это не вина его, а трагедия;
- В конфликте лысенковцев с генетиками «обе стороны были хороши», вели себя агрессивно;
- Идеи Лысенко подтверждаются открытиями последнего времени, такими как эпигенетика, горизонтальный перенос генов.

Суждение о Лысенко как об ученом Животовский подтверждает цитатами из книги, найденной им в библиотеке Стэнфордского университета, где Лысенко назван в числе первооткрывателей закономерностей стадийного развития растений, и его портрет помещен рядом с портретом выдающегося физиолога растений Николая Максимова. Но эти закономерности впервые открыл именно Максимов (в том числе фотопериодизм – воздействие светового дня на развитие), а Лысенко пытался развивать только так называемую яровизацию. Под этим понимается физиологическая реакция растений (семян) на воздействие низких температур, изменяющая сроки цветения и плодоношения. По словам Животовского, заслуга Лысенко в том, что он «поставил восклицательный знак» над этим явлением (при всем том, пользу его для сельского хозяйства доказать не удалось, но об этом ниже).

Как пример мирового признания, Животовский приводит положительный отзыв о Лысенко американского генетика Эрика Ашби, который побывал в СССР. Не упоминая контекста, в котором был дан этот отзыв, а также то, что тот же Ашби говорил впоследствии.

Главные аргументы автора книги – попытки доказать, что идеи Лысенко якобы подтверждаются современной наукой. Так, он упоминает, что сегодня «открыты гены яровизации», открыто явление горизонтального переноса генов, которое якобы может объяснить описанную Лысенко «вегетативную гибридизацию» — (изменение растения при прививке), «расшатывание наследственности». Ну и, конечно, говоря о том, какую роль Лысенко уделял воздействию внешней среды на растения, нельзя не упомянуть об эпигенетике. Это просто «козырная карта» в руки приверженцам наследования приобретенных признаков, и Животовский эту карту использует. Да, сейчас показано, что эпигенетические механизмы – химические модификации ДНК, не затрагивающие ее структуру (в частности, метилирование), влияют на работу генов, и это влияние может передаваться следующему поколению. Однако нет никаких оснований приписывать «народному академику» без образования предвидение эпигенетики, ибо для этого нужно, как минимум, знать саму генетику, а не отвергать ее существование.

Автор книги упрекает научное сообщество в неспособности воспринять непривычные взгляды, изменить свое мнение: «наука в России не будет развиваться, если вовлеченные в научную сферу люди будут по-прежнему относиться друг к другу неуважительно, будут нетерпимы к инакомыслию, глухи к аргументам тех, чья деятельность или точка зрения им не нравится».

Ответ научного сообщества

«Лысенко был псевдоученым, так как вся его научная карьера была построена на фальсификации, — говорит к.б.н. **Георгий Базыкин**, зав. сектором молекулярной эволюции ИППИ РАН. — Это один из величайших фальсификаторов в истории мировой науки». Он приводит известные примеры лысенковских фальсификаций – например, при посадке лесополос тот рекомендовал помещать несколько желудей в одну лунку, а потом суммарный вес нескольких саженцев выдавал за средний вес саженца. Но после того, как его поймали за руку, он перестал публиковаться в научных журналах, перейдя на публикации в газетах. Его стиль – не приводя никакой доказательной базы говорить – «наши опыты убедительно показали, что...»

Базыкин упоминает о знаменитых «межвидовых скачках», которые открыл Лысенко: как мягкая пшеница превращается в твердую, овес превращается в овсюг, кукушка — в пеночку и т.п. А придумано все это было затем, чтобы объяснить, почему поля сортовых посевов пшеницы засоряются сорняками. По его словам, некоторые американские генетики приняли это за чистую монету, но впоследствии тот же Ашби отзывался о Лысенко уже гораздо более критично.

«Как Лысенко мог 20 лет оставаться у руля сельскохозяйственной науки? – продолжает Базыкин. — Это могло быть только в извращенной советской системе, когда можно было публиковать научные работы без рецензирования и когда все его оппоненты сидели в тюрьмах и лагерях. Как случилось с Николаем Максимовым, который был первооткрывателем метода яровизации. Он разрабатывал эту методику задолго до Лысенко, а потом оказался в тюрьме».

И главное — Лысенко много обещал, но ничего не выполнял. Он взял на себя обязательство вывести за 2,5 года сорт ветвистой пшеницы и сообщил наверх об успешном выведении. Но это была ложь. «Талантливый агроном-практик» не вывел ни одного сорта.

«Лев Анатольевич говорит, что научная среда не может существовать, если мы будем непримиримы друг к другу. Я думаю, что научная среда не может существовать, если равные права будут иметь истина и ложь», — подытожил свое выступление Георгий Базыкин

Доктор биол. наук **Михаил Гельфанд** назвал книгу Л.А.Животовского примером полуправды, что есть «наихудшая ложь». Он продемонстрировал, что в книге

используются несколько риторических приемов. Из большого количества разного рода цитат автор приводит именно то, что говорит в его пользу, и выводит их за рамки контекста. Например, приводятся слова Эрика Ашби сразу после его возвращения из Советского Союза, но не говорится, что потом он гораздо более критично высказывался о Лысенко. Еще один риторический прием – важный факт упоминается одним предложением, среди прочих рассуждений. Так мельком упоминается о судьбе Вавилова и совсем не сказано, какова была судьба многих других специалистов, которые еще в 30-х годах оказались в тюрьмах, лагерях, или в лучшем случае, лишены возможности работать.

Ссылка на то, что такие были условия, не работает, доказывает Гельфанд: «Лысенко, Презент и другие не «оказались в условиях», они сами эти условия создавали. Идея о том, что все были одинаково неправы – морально очень опасна, так как

уравнивает преступника и жертву».

Ну и, наконец, совершенно не состоятельны попытки «трактовать довольно мутные высказывания Лысенко с точки зрения современной эпигенетики и современного горизонтального переноса генов», — заключил Гельфанд.

«Он был социально близким власти»

Но самые сильные впечатления оставили выступления тех, чьи отцы и деды стали жертвами «народного академика», по чьим судьбам он проехался катком. Их слова хочется здесь привести полностью.

«Лысенко прошел через мою жизнь самым суровым образом, — начал свой рассказ академик РАН **Александр Петрович Лисицын**, доктор геолого-минералогических наук, океанолог. — С восьми лет я знал Николая Ивановича Вавилова. Я сидел у него на коленях, и вы знаете, у него были такие потрясающие глаза – когда он смотрел на тебя,

становилось тепло. Мой отец – академик ВАСХНИЛ Петр Иванович Лисицын, занимался селекцией и семеноводством, он был директором Шатиловский селекционной станции, а потом заведующим кафедрой Тимирязевской академии. И по своим делам оказался первым врагом Лысенко. Отец вывел основные сорта ржи («Лисицинская»), овса и гречихи, советское сельское хозяйство в большой степени держалось на этих сортах.

Лысенко же считал, что вся эта селекция, сорта — ни к чему. А ведь сначала его поддержал Вавилов, как молодого, вроде бы способного человека. Но оказалось, что это молодой негодяй. Чтобы проверить достижения Лысенко, о которых он рапортовал, назначили комиссию ВАСХНИЛ из трех человек, в которой участвовал мой отец и болгарский академик Дончев. Они приехали и выяснили, что то, что выдается за достижения – просто фальсификация. Успех объяснялся тем, что сотрудники станции лысенковские посеы поливали и удобряли, а контрольные – нет. Они написали, что это жульничество, это признал и Вавилов. Лысенко написал несколько писем Сталину в свою защиту. А затем с членами комиссии начали происходить странные вещи. Так, профессор Дончев, выступив против Лысенко, вернулся в Болгарию и вскоре умер от какой-то болезни.

В 1939 году арестовали Вавилова, человека с такими добрыми глазами, а в 1943 году он умер от голода в тюрьме, потому что уголовникам, с которыми он сидел, было приказано его не кормить. На клочках бумаги он написал последнюю свою монографию, которая была уничтожена. Об этом свидетельствует следователь Хват, который вел дело Вавилова – книгу уничтожили, как ненужную.

академик ВАСХНИЛ П.И.Лисицын

1948 год, готовится сессия ВАСХНИЛ. К этому времени отец оказался во главе еще непосаженных профессоров сельскохозяйственной науки. Он много выступал в центральных газетах, готовился к этой сессии и внезапно во время этой подготовки скончался от инсульта. Странная была смерть: домой приходила врач из кремлевской клиники, которая отцу без конца делала уколы, и чем больше уколов, тем ему становилось хуже...

После его смерти осталось большое количество сортовых семян. Академик Лисицын вывел неполегающую рожь, которая могла давать урожай до 70 центнеров с гектара. И мы старались ее сохранить в лысенковские времена. Чтобы сохранить сорт, нужно постоянно его пересевать и сушить семена. Я вернулся из Антарктиды, построил за свои деньги у себя во дворе специальный домик, где можно было сушить зерно. Но странная история — где бы мы не высевали эти семена, посева погибали: или их заливало водой, или они были отравлены скотом. Рука Лысенко действовала постоянно. В конце концов, этот сорт пропал.

Когда я решил пойти в Тимирязевскую академию, чтобы продолжить дело отца, ректор пригласил меня к себе и сказал, что с моей фамилией лучше никаких дел с сельским хозяйством не иметь: «Ты не представляешь, на какие зверства они способны».

Так что тем, кто говорит, что Лысенко – талантливый самородок и ученый, я хочу сказать, что это — шулер, это боль и позор нашего народа».

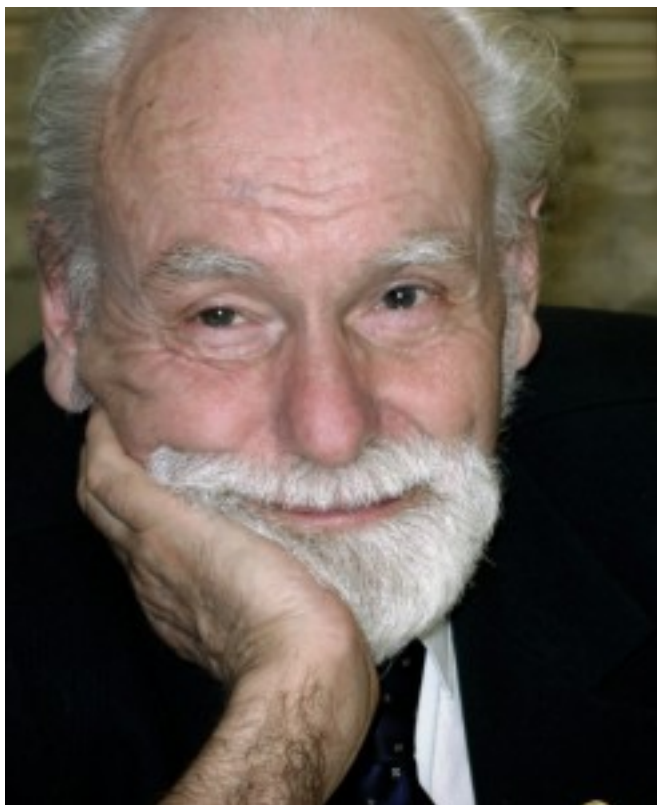
академик АН СССР Н.А.Максимов

«Если бы я сейчас не вышла на трибуну, то вернувшись домой, я должна была бы снять со стены портрет деда, потому что смотреть в его глаза я бы не смогла, — так начала говорить **Ольга Максимова**, сотрудник Института океанологии РАН. — Я внучка Николая Александровича Максимова. Того самого, портрет которого помещен в американском издании рядом с портретом Лысенко. Дед умер в 1952 году – застреленный, измученный, в значительной степени потерявший свою личность, несмотря на то, что его судьба по сравнению с другими жертвами Трофима Денисовича сложилась, можно сказать, почти счастливо. Его посадили в 1933 году. И моя бабушка, которая была совершенно неустрашимой женщиной, все время ходила в Большой дом, а было это все в Ленинграде, и долбила следователю, что муж ни в чем не виноват, что он большой ученый. И следователь просто ее пожалел и спросил – кто-нибудь может поручиться за него и пригласить к себе на работу, только не в Москве и не в Ленинграде. И такой человек нашелся и принял Николая Александровича Максимова на работу в Саратове. Он работал там, потом вернулся в Москву. И был директором Института физиологии растений. Публикацию своего портрета в США рядом с портретом Лысенко дед воспринял как страшное оскорбление. Он был очень подавлен тем, что происходило вокруг.

Так что Трофим Денисович проехался по очень многим семьям. И для многих это противостояние – дело личное, семейное. Лысенко и его окружение сломали жизнь целому поколению, сломали научное направление, в котором советская Россия была первой в мире.

Причина того, что Лысенко оказался наверху, — в том, что был человеком социально близким, «от сохи». Он говорил на том же языке, на котором говорила власть. Власть не понимала этих «мухолюбов-человеконенавистников». Не понимала, зачем надо ставить опыты на каких-то, прости Господи, дрозофилах. Власть не понимала слов, которые говорили ученые. Точно так же, как не понимал их и Трофим Денисович, и это его очень обижало.

Главное, что делал Лысенко, — он обещал накормить голодную разрушенную страну. То, что он не выполнял этих обещаний – это было уже не так важно. Тем более, что всегда находились те, кто виноват. А виноваты были такие, как мой дед, как еще десятки и сотни ученых и, конечно, как Николай Иванович Вавилов, который реально мог накормить эту страну».

«Я хочу рассказать, как Лысенко оказался связан с нашим институтом, — поделился воспоминаниями доктор геолого-минералогических наук **Ивар Оскарович Мурдмаа** — Это был анекдотичный случай, примерно в 1959 году. В институте состоялась некая лекция, куда людей просто сгоняли. Лекция некоего инструктора ЦК, который объяснял нам, что биология это наука политическая, а к противникам Лысенко нужно относиться как к врагам народа. Прошло недели две, подходит ко мне некая институтская партийная дама и говорит, что надо прямо сейчас сесть в машину и поехать в Горки Ленинские к Лысенко. Я пытался объяснить, что мне некогда, я аспирант и вообще не биолог, а геолог. В ответ на это мне было сказано: «Вы тоже в списке». Потому что я имел неосторожность, цитируя Ленина, задать неудобный вопрос лектору по поводу биологии как политической науки.

И вот нас, около 20 человек, посадили в открытый грузовик и повезли в Горки Ленинские. Лысенко опоздал, извинился и сказал, что он только что из Кремля. При этом он был в галошах на шерстяные носки. И затем он нам вещал, без малого четыре часа, рассказывая про свои теории. Когда я его слушал, у меня было впечатление, что это человек совершенно одержимый своими бредовыми идеями. Только один пример. Он говорил – есть законы физики, химии, а есть законы биологии, которые физике и химии не подчиняются. Возьмите кошку, сбросьте ее с третьего этажа – и увидите, что она упадет на ноги. А потом задушите эту кошку и сбросьте ее – она упадет уже по-другому. Вот подобной мудростью он нас четыре часа питал. У меня эта лекция записала, недавно я ее в бумагах обнаружил».

«На правду о лысенковщине был наложен запрет»

Доктор биол наук **Светлана Александровна Боринская** прочитала письмо **Семена Ефимовича Резника**, автора первой биографии Вавилова, вышедшей в 1968 г. Писатель не мог остаться в стороне и не высказать своего отношения к книге о Лысенко. Вот несколько отрывков из его письма:

«Название книги «Неизвестный Лысенко» ни в коей мере не соответствует ее содержанию, ибо ничего ранее *неизвестного* о Т.Д. Лысенко в ней нет. **Это поверхностная компиляция широко доступных фактов и цитат, крайне тенденциозно отобранных.**

Направленная селекция – могучий инструмент для выведения продуктивных сортов культурных растений и домашних животных, но исторической науке она противопоказана».

«Теорию стадийного развития Животовский объявляет великим открытием, которое

научные противники Лысенко замалчивали. Это неверно. Теорию стадийного развития никто не замалчивал. Особенно активно ее пропагандировал Н.И. Вавилов – по очень простой причине: он лучше самого Лысенко понимал научный смысл этой теории и ее значение для селекции. Вавилов подчеркивал, что теория стадийности позволяет выводить скороспелые сорта путем скрещивания форм, имеющих короткую стадию яровизации, с формами, имеющим короткую световую стадию. Для выявления таких форм требовалось «прогнать» через яровизацию тысячи сортов мировой коллекции, что и стало проводиться в ВИРе. Вавилов пытался вовлечь в эту работу самого Лысенко. Но тщетно. Вместо этого Лысенко, поддержанный наркомом земледелия Украины Шлихтером, затем наркомом земледелия СССР Яковлевым, а за ними и более высокими инстанциями, стал вводить яровизацию в широкую практику в качестве технического агроприема. Под яровизированные посевы отводились тысячи, потом десятки, сотни тысяч гектаров колхозных и совхозных полей; тысячи «передовиков» мочили семена в так называемых хатах-лабораториях. Массовые опыты проводились без должного контроля, потому их научная ценность равнялась нулю. Но Лысенко слал победные реляции властям, а стекавшиеся к нему данные массовых опытов подвергал *селекционной* обработке, точно так же, как теперь г-н Животовский селективно обработал исторический материал, дабы восславить «неизвестного Лысенко».

Т.Д. Лысенко (справа) на поле

Практическая эффективность яровизации как агроприема была проверена профессорами Лисицыным и Константиновым. Опыты проводились в течение пяти лет (1932-1936) на 54-х сортоучастках в разных регионах страны. Испытывались 35 сортов пшеницы и других зерновых культур. Как полагалось в научном опыте, яровизированные посевы сопоставлялись с контрольными. Оказалось, что в отдельные годы в отдельных районах отдельные яровизированные сорта приносят незначительную прибавку урожая (доли процента), в другие годы они дают убыль. Яровизированные посевы сильнее контрольных поражались твердой головней. Посевного материала для них требовалось в два раза больше, чтобы компенсировать потерю всхожести от перелопачивания «наклонувшихся» семян. Вывод был ясен.

В книге Животовского об этом не упоминается, зато настойчиво проводится мысль, что Лысенко был нацелен на практику, тогда как его противники занимались теорией; он делал упор на развитие растений в конкретных условиях внешней среды, а

его противники, сосредоточившись на зародышевой плазме, генах и т.п., условия среды игнорировали. Все это, мягко говоря, не имело ничего общего с реальностью. Ни один здравомыслящий биолог никогда и нигде не игнорировал и не мог игнорировать условия среды, в которой растет и развивается живой организм. Спор шел о том, можно ли этими условиями переделать в нужном направлении наследственную природу или нет. Доказательств в пользу такой возможности не было, Лысенко ни одного нового доказательства не дал, но требовал, чтобы в его доктрину все верили без доказательств. Несогласных третировал как врагов народа, социализма, советской власти. В этом суть биологических «дискуссий» того времени.

Сессия ВАСХНИЛ 1948 г.

Лысенко занимался *расширением* наследственности и *воспитанием* растений в нужном направлении, тогда как генетики и растениеводы вавиловской школы собирали и исследовали в конкретных условиях среды, на десятках опытных станций, исходный материал для выведения новых сортов. Они широко использовали гибридизацию, в том числе отдаленную, полиплоидию и другие методы генетики, которые давали практические результаты.

В отчаянном письме Сталину, посланном за две недели до «окончательного» разгрома генетики на Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, П.Н. Константинов перечислил имена крупнейших селекционеров классической школы (Лисицын, Шехурдин, Писарев и др.), чьими сортами было занято 90 процентов всех посевных площадей в стране. Кто же больше давал практике – классические генетики, якобы увлекавшиеся чистой теорией, или «нацеленные на практику» лысенковцы? Ответ ясен, но «селекционер» Животовский об этом не упоминает.

«После снятия Хрущева, когда «мичуринцы» лишились односторонней поддержки тоталитарной власти, **Академия Наук провела расследование деятельности лысенковского экспериментального хозяйства в Горках Ленинских и пришла к выводу, что научные и хозяйственные данные там систематически подтасовывались и фальсифицировались.** Материалов одного этого расследования было более чем достаточно, чтобы возбудить уголовное дело против Лысенко и некоторых его сотрудников. Никто из них не был арестован, не был лишен ученых званий, не потерял работы. Более того, партия и цензура вскоре стали ограждать Лысенко от всякой критики. Мне это довелось испытать на себе. Рукопись моей книги о Вавилове для серии ЖЗЛ при подготовке к печати усохла на сто страниц: изымались наиболее острые фрагменты о травле Вавилова, Кольцова и других генетиков, главным тараном против которых служил Лысенко. Когда книга была подписана в свет и сигнальные экземпляры отправлены в соответствующие инстанции, по доносу Лысенко в ЦК партии почти весь тираж был арестован. Книгу выпустили на свободу лишь после новых цензурных изъятий – с годовым опозданием.

С конца 1960-х годов до начала перестройки имя Лысенко почти не упоминалось в советской печати – общей и специальной. Но объяснялось это не тем, что генетики его «замалчивали», а тем, что в стране проводилась ползучая ресталинизация. На правду о лысенковщине был наложен запрет, восхвалять же его после всего, что о нем стало известно, никто не решался. В моих книгах, вышедших в СССР после «Николая Вавилова» и близких по теме, даже упомянуть о художествах Трофима Денисовича было нельзя. Невозможность публиковать правду, которая не соответствует политическим и идеологическим установкам, заставила меня эмигрировать.

Теперь, на новой волне ресталинизации, Лысенко усиленно делают «предсказателем» новейших достижений молекулярной биологии и геномной инженерии. Книга д-ра Животовского о якобы неизвестном Лысенко – это всплеск той же волны».

Хотя некоторые выступавшие упрекали директора Института Океанологии Р.И. Нигматулину за приглашение автора книги о Лысенко с таким докладом, в результате, кажется, все признали, что такое обсуждение было очень полезно. Кстати, инициатором его был зав. лаб. Михаил Владимирович Флинт, который рассказал присутствующим, что его дед, Лев Александрович Зенкевич, был самым яростным борцом против любых проявлений наследия Лысенко.